

18+

ОТТО КЛИДЕРМАН

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ АРТЕМИДЫ

ИСТОРИЯ В АНТИЧНОМ
ГОРОДЕ СИДЭ

Отто Клидерман
Последняя воля
Артемиды. История
в античном городе Сидэ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31186401

ISBN 9785447454272

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Действие происходит в античной Турции, которая в прошлом была в составе Римской империи. История украшений, по преданию которые принадлежали самой богине Артемиде. Она пренебрегла ними и бросила на землю, проклявши их. Однако красота божественного подарка очаровывала простых смертных, и украшения дарили самым желанным и возлюбленным женщинам.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	19
Глава четвёртая	32
Глава пятая	38
Глава шестая	39
Глава седьмая	47
Глава восьмая	54
Глава девятая	59
Глава десятая	63
Глава одиннадцатая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Последняя воля Артемиды История в античном городе Сидэ

Отто Клидерман

© Отто Клидерман, 2016

ISBN 978-5-4474-5427-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Триста лет до этих событий

Карфаген. Его величие померкло с вторжением римлян. Они никого не щадили, оставляя после себя руины и тела умерших мучительной смертью. Таким двум великим империям как Рим и Карфаген стало тесно на этом мире. Одному из них пришлось поступиться. Со временем это станет лишь провинция Рима.

Огонь уничтожал всё на своём пути, не давая шанса выбраться живым из этого ада.

Воины ворвались в один из богатых домов, сметая на ходу всё и вся. Семья сидела во дворике у бассейна и смиренно ждала своей неминуемой участи. Они даже не пытались оказывать сопротивление.

Их никто не пощадил: кровь была по всюду. Её было так много, что ей можно было наполнить бассейн до края. Неожиданно один из Солдатов вытащил из за огромной статуи молоденькую девушку и вонзил её в живот огромный кинжал: несчастная повалилась на пол и испустила последний вздох.

– Ну, ты и тупица, Вергилий. Ты бы мог, сперва, развлечься с ней, как следует, прежде чем лишать её жизни. Тебя что уже перестали интересовать женщины. Вижу, годы служ-

бы сделали из тебя полено, – Расхохотался его сослуживиц Марк-Севилий.

Вергилий бросил на него убийственный взгляд и покинул залу. Неожиданно глаза Марка-Севилия сузились в две маленькие щёлочки: на шее несчастной девушки, как и на руке, были очень красивые золотые и большие украшения. Грех было бы оставить всё это и позволить кому-то другому полакомиться добычей. Он наклонился над умершей, завладел браслетом, и приподнял её голову, чтобы снять ожерелье с шеи. Однако неожиданно женщина открыла глаза, и посмотрела на грабителя. Римлянин вздрогнул и отскочил в сторону, но её глаза так и остались открытыми, она больше не шевелилась, однако открытые внезапно глаза подействовали таки на грабителя плохо и он, чтобы больше не рисковать замахнулся мечом и снёс голову несчастной. Кровь оросила его с головы до ног, однако в его руках уже было украшение. На лице Марка-Севилия появилась удовлетворённая улыбка, и он с радостью положил всё награбленное в свой кожаный мешок.

Римлянин даже не мог предположить себе, что спустя нескольких месяцев его жизнь превратится в кошмар. Он не будет спать по ночам, и эти мёртвые глаза будут преследовать его до последней ночи перед битвой, в которой он погибнет.

В последствии, мешок с драгоценностями был похищен его военачальником и попал в Рим, где он подарил их своей

жене. Несчастливая женщина разбила на лошади, одев всего лишь один раз.

Потом они были проданы одному влиятельному сенатору, а тот уже подарил их жене императора, которая скончалась при родах их первенца.

Никто не знал, что существовала легенда в далёком прошлом, что эти украшения были подарены богине Артемиде. Они ей не понравились, и женщина в гневе швырнула их на землю со словами, что отнимет всё, что дали другие боги, только если кто-то посмеет завладеть этими украшениями. Так или иначе, и если не верить вообще богам и в богов в принципе, то счастья они не приносили никому со времен самой богини охоты.

Глава вторая

*Сиде. (Современная Турция).
2000 лет назад*

В этот вечер дом Тиберия был полон народу. Празднества происходили с небывалым размахом: ещё бы, день, посвященный великому Бахусу, было бы не отметить непростительно, к тому же для такой состоятельной семьи как эта.

Все собравшиеся размещались в большом внутреннем дворике: гости прохаживались по галереи, наслаждаясь вином из погребов хозяина, который славился небывалым виноделом. Некоторые сидели на диванах и рабы подавали им отменную телятину, приготовленную в том же вине. Другие обсуждали последние политические новости, и держались поодаль от других, а кто-то просто смотрел на танцующих молоденьких танцовщиц под музыку свирелей.

Хозяйка дома, великолепная Ливия, лет 40 важно прохаживалась со своим мужем по дому, уделяя равное внимание всем гостям. Она мило улыбалась, кратко интересовалась делами той или иной семьи, спрашивала, не желает ли кто чего и важно следовала дальше.

В своём ярко жёлтом одеянии, которое гармонично подходило к её длинным каштановым волосам и в драгоценностях из огромных рубинов, которые украшали её смело обна-

жённую грудь, руки и пальцы. Она смело составила бы партию в роли богини для того самого Бахуса, в честь которого они собрались сегодня.

Она учтиво опиралась на руку своего мужа, который был всего лишь дополнением в доме, даже его одежда была выбрана его женой, которую она специально заказала по случаю этого праздника. Старый Тиберий был за спиной у его молодой жены, которая решала всё и всегда. Однако на людях она всегда представляла Тиберия как главу семьи и незаменимого человека в её жизни. Однако это выглядело более чем комично для всех собравшихся, которые прекрасно знали о жизни этого дома. Всем присутствующим было прекрасно ведомо все предпочтения хозяйки дома. Она была всегда деловой и хваткой женщиной, что касалось ведения хозяйства в доме и выращиванию винограда.

На её плантациях трудились не покладая рук десятки рабов, и она тщательно контролировала весь процесс от начала до конца. Однако что касалось личной жизни это женщины, то как и в делах, в любви она была пылкой и страстной и тут её муж не мог бы составить достойной партии, разве что сам бог вина, но так как богам велено жить на небесах, то их подобия вполне возможно было бы отыскать на земле и не так далеко. Стоило только посетить бой гладиаторов или заглянуть к ним на вечерок, так делали многие состоятельные женщины, и собственно говоря, никто особенно не брезговал.

Ливия никогда бы не позволила бы себе порочить честь своей семьи, но и отказать себе в удовольствии было бы грех в её то молодые и полные энергии годы. Это происходило, как правило, в те времена, когда работы становилось всё меньше и появлялось время подумать о расходовании собственной энергии. Как правило, её отношения не продлевались только на одну ночь, а носили скорее продолжительный характер и с одним молодым горячим парнем, которого она вполне могла позволить себе купить, после битвы.

Её скромное убежище на другом конце города служило ей сезонно, тогда она оставалась там на несколько дней, потом возвращалась домой, следила за порядком и снова исчезала.

Старый Тиберий в такие дни ложился спать всегда по раньше, а когда жена возвращалась – он всегда садился у её ног, ложил свою седую голову на колени и целовал её руки, воздавая хвалу небесам, что теперь в доме опять будет всё по прежнему. О нём будут заботиться, советовать, что одеть, рабы будут работать усерднее, а еда, приготовленная кухарками, будет во много раз сытнее и разнообразнее.

С уверенностью можно было сказать, что Ливия вышла замуж за старого ребёнка, которому нужна мать, а не жена. Тем не менее, каждый извлекал из этого брака выгоду, но на людях – это была идеальная пара, которая умудрилась произвести на свет только одного ребёнка, почему-то, а вернее сказать, как не странно, а в прочем кто-знает, какому роду принадлежало это подрастающее уже дитя и слишком рассуди-

тельное на свои 12 лет.

Маленькая Юстиниана смотрела из за угла на хмельной, и уже весёлый народ. Музыканты продолжали играть, а пьяные гости стали приглашать молоденьких танцовщиц к себе на колени и те с радостью побежали в объятия стареющих, но богатых патрициев.

Девочка с отвращением отвернулась и скрывшись за углом вышла во второй внутренний дворик: это была территория Тины, родной сестры Ливии. Женщина была всего на 5 лет моложе своей сестры и вела бы почти уединённую жизнь, если бы не её дар врачевания. Здесь она не только жила, но принимала пациентов, людей из высшего, разумеется, сословия, благодаря которым не чувствовала себя всеми забытой. Но об этом вряд ли бы можно было сказать. Тина была талантливым целителем и бывало, что людям было даже не хватало мест, чтобы остаться, тогда Ливия забирала их на свою территорию. Как правило, женщина многим рекомендовала пожить в её доме, иначе было бы невозможно наблюдать за пациентом полностью, а выезжать куда-либо она панически боялась ещё с ранней молодости.

Ей было всего 15, когда над ней надругались, когда она возвращалась домой от своей подруги. Её нашли утром у порога собственного дома. Она никогда не говорила, кто это сделал, и пробыла почти пол года в доме одной старой знахарки. В этот период, старуха не только подняла её на ноги,

но и увидела в ней дар врачевания и стала передавать все знания. Так, из за ужасной травмы в ранней молодости, из Тины получился превосходный целитель. Она знала слишком много о медицине и даже проводила небольшие операции, если на то была большая необходимость – а в основном она хорошо разбиралась в травах, в том числе и в ядах. Когда её всё-таки требовалось пополнить запасы трав – с ней в лес отправлялись невообразимое количество охранников, которых всегда выделяла для неё Ливия.

Юстиниана нашла свою любимую тётю как всегда за приготовлением мази. Молодая женщина усердно подбирала ингредиенты и смешивала всё в одной горшочке.

– У кого открылась опять рана? – Поинтересовалась девочка.

Тина с удовлетворением улыбнулась мудрой малышке и указала на одну из комнат: «Господин Публий зацепился о неровный камень и очень сильно повредил ногу. Пролежал дома со стонами несколько дней, а потом его принесли на носилках в наш дом».

– Взрослый человек, а ведёт себя как ребёнок. – Пожала плечами Юстиниана. – А кто ему мешал прийти к нам раньше? Можно я промою ему рану и наложу мазь? Ты же знаешь – я уже умею это делать.

– Ну конечно можно, моя умница, – Тётя ласково погладила племянницу по волосам и поцеловала её в лоб. – Что

там, в доме? – Кивнула женщина в сторону раздающегося громкого пьяного смеха и игры на свирелях.

– Ну, ты же знаешь, родители пригласили множество людей, всего лишь потому, что так надо. – Махнула рукой девочка. – Они ведут себя хуже скота. Я их просто терпеть не могу. – Содрогнулась от отвращения Юстиниана.

– Это их стиль жизни. Что тут поделаешь? – Смиренно произнесла Тина.

– Стиль вести себя хуже животных? Ненавижу это. Когда вырасту – буду жить уединённо, лечить больных, а здоровых – избегать. – Буркнула девочка. – Буду жить как ты. Нет, я буду жить с тобой, и больше нам никто не нужен.

– А как же твои родители? – Поинтересовалась молодая женщина.

– Мама всегда говорит, что у меня в жилах течёт кровь великих цезарей. Что я особенная и не такая как все. И много слышала о великом Юлие, не уверена, что мать говорит правду, но я бы хотела походить на него. Жить свободно и главное никогда не выходить замуж!

– О как? Но ты ведь не знаешь, кто может появиться на твоём пути. Кто знает – возможно, это будет прекрасный и отважный юноша? Такой как, Октавиан-Флавий, например. Тебе же нравится этот мальчик? – А? – Лукаво подмигнула Тина девочке.

– Он такой, как и все мальчишки. И ничего в нём особенного я не вижу. – Фыркнула малышка. – К тому же от муж-

чин одно зло. – Ладно, пошли, а то наш пациент наверняка заждался нас. К тому же мама устраивает сегодня гладиаторский бой между двумя рабами наших соседей. Она, правда, не хотела этого, но я слышала утром, как наши соседи просто таки настаивали на этом. У неё просто не было выхода отклонить это предложение. Ни за что бы не позволила жертвовать ни одним нашим рабом.

– Ты очень благородная моя девочка. Тебе не стоит смотреть на это зрелище. Ненавижу, когда в нашей семье должна пролиться кровь. – Содрогнулась от предстоящего ужаса Тина.

Бой гладиаторов был беспощадный. Все присутствующие сразу же притихли, бросили все свои занятия и устремились в центр происходящих событий. Они с диким огнём в глазах наблюдали, как двое мужчин в железных латах дрались не на жизнь, а на смерть. Старый Тиберий тут же трусливо покинул место кровавого представления и скрылся в тени коридора, чтобы закрыться в своей комнате. Ливия стояла бледна, как мел, в центре жестокой схватки и стойко наблюдала за этим кровавым зрелищем. Ей не доставляло ни малейшего удовольствия быть свидетелем этой драмы, однако она бы не посмела огорчить гостей, жаждущих крови.

Оба противника были сильны и не собирались сдаваться, это заводило публику всё сильнее и сильнее. Однако время шло, и финал был уже очевиден: бойцы уставали и победа

была уже на подходе у того, кто способен быть более стойким против своего соперника. Неожиданно один из них стал уже пропускать удары, один, потом другой, а потом он упал и больше не поднимался.

Публика заорала от восторга, и победитель поднял руки кверху, радуясь только одному факту – что его смерть откладывается ещё на один день.

Однако зрителям было мало. Сражённый не выпустил много крови, не испачкал мозаику в дворике, а значит гости не получили должного восторга от отсутствия крови.

Ливия стояла нерушимо, пытаясь не смотреть на бездыханное тело мужчины: неожиданно чья-то рука коснулась её плеча, и удовлетворённый голос сразил хозяйку дома на повал: «Спасибо, что позволила правосудию свершиться у тебя в доме. Я пожертвовал им, потому, что на это были серьёзные причины. Я застал это животное в спальни моей жены. Теперь она лишена своего любимца». – Это был близкий друг её мужа Софианос.

Ливия слегка кивнула гостю.

– Я позабочусь о том, чтобы вынесли тело из дома. – Как можно спокойнее произнесла женщина.

Софианос бегло коснулся руки Ливии, и схватив за локоть чуть живую от ужаса жену, покинул гостеприимный дом Тиберия.

Однако народ не уступал. Он требовал, чтобы победитель

расколол череп умершего на две части, и кровь брызнула фонтаном в разные стороны, чтобы доказать, что он действительно мёртв.

Ливия почувствовала, что уже не может совладать с дрожью, пронизывающую её всё тело. Однако её надо было это пережить. Гладиатор долго колебался, а публика кричала и яростно подталкивала его на этот вандализм, неустанно показывая палец вниз.

Мужчина снял с головы стальной шлем и грубо отбросил его в сторону и наконец, поднял вверх меч: неожиданно с диким визгом на площадке появилась Юстиниана и заставила остановиться воина с поднятым мечом до верху. Все присутствующие тут же онемели от удивления.

Ливия бросилась к дочери, а та тем временем стянула с лежащего шлем, и чем громче крикнула: «Он мёртв!»

Гул разочарования повис в воздухе, а гладиатор и Ливия вздохнули с облегчением. О жутком продолжении этого зрелища не было уже никакого смысла.

Женщина тут же приказала забрать тело мужчины, а возникшая ниоткуда Тина тут же подхватила девочку на руки и унесла от этого места прочь.

– Он жив, моя госпожа, – Раздался за спиной голос гладиатора. – Ваша дочь спасла ему жизнь. Я буду молить всем богам за вас всех и за ваше сострадание.

Ливия повернулась к нему и с глазами, полными ужаса

глухо произнесла: «Моя дочь хорошо разбирается в медицине, несмотря на юный возраст. Это её надо благодарить. Я бы не могла предотвратить этого одна»

– Понимаю, – Склонил покорно голову раб. – Это не изменяет моего желания молить богов за вас. Прощайте.

Гости стали расходиться и Ливия с натянутой, почти кривой от пережитого улыбкой прощалась с гостями, которые на счастье покидали радушный дом Тиберия.

Она тут же позвала жестом управляющего и что-то шепнула ему на ухо.

В гостиной на полу, устланном овечьей шкурой лежал раненный гладиатор. Он глухо стонал от боли, которая исходила от кровавой, рваной раны в плече: над ним склонились Ливия, Тина и Юстиниана.

Тина подняла голову несчастного и стала настойчиво поить его какими-то снадобьями, от которых спустя несколько минут гладиатор уже перестал стонать и лежал более смирно. Он пришёл в себя и бормотал что-то себе под нос.

– К счастью рана не задевает никакие важные органы. Ему повезло, – Заключила женщина.

– Ага, повезло бы, если бы его череп раскололи на двое. И почему никто не говорит благодаря кому ему повезло сегодня? – С укором бросила Юстиниана, важно заломив руки.

Ливия обняла дочь и поцеловала её в голову.

– Ты моя умная и храбрая девочка. И чтобы мы делали

без тебя?

– Я скажу, – Раздался хриплый голос раненого, – Я скажу тебе миллион слов благодарности. Ты мой ангел хранитель, моя маленькая госпожа.

– Не спеши меня благодарить. – Важно отмахнулась Юстиниана. – Теперь ты будешь моим гладиатором и научишь меня драться, как умеешь сам и на лошади ездить. Я буду настоящим воином.

– А это тебе ещё зачем? – Изумились женщины хором.

– Ну, кто-то же должен защищать вас или нет? Или я не Цезарь? – Пожала плечами важно девочка.

Все дружно рассмеялись.

– Я научу тебя всему, что знаю, – Тихо произнёс гладиатор.

– Я очень на это рассчитываю. И кто мне говорил сегодня о прекрасном и отважном юноше? А? – Кивнула Юстиниана в сторону тёти.

– Итак, боги явно что-то сегодня перепутали, – Подумала про себя девочка, – Они послали мне не прекрасного принца, а раба, которому я спасла жизнь, к тому же не благородного, а наказанного за прелюбодеяние с чужой женой. Нет, ну разве можно вот так бессовестно насмехаться с небес надо мной?

Глава третья

На дворе была глубокая ночь. Слуги суетились по всему дому, убирая всё после бурной вечеринки, вернее сказать после вечеринки скотов, а не людей, если так можно выразиться по деликатней.

Ливия ходила по дому, наблюдала уныло за работой рабов и кривилась: они вели себя даже хуже животных в её собственном доме, такое впечатление, что они надругались над ней, однако разве можно было бы пренебречь этим праздником, если того требовали обстоятельства поддерживать видимость дружеских отношений с друзьями и соседями?

Женщина сняла все свои драгоценности и отдала служанке, распустила волосы и рухнула на каменную кушетку, устланную подушками, уронила голову на руки, при этом издав тяжёлый стон. Она сидела как раз в том внутреннем дворике, где происходил этот чудовищный поединок, едва не закончившийся кровавым финалом. Здесь уже всё прибрали и навели идеальный порядок.

Именно в таком сгорбленном состоянии её нашёл управляющий, который остановился на небольшом расстоянии от своей госпожи и терпеливо ждал, пока та заговорит.

– Слушаю тебя Марк.

– Если моя госпожа согласится принять горячий бас-

сейн, она себя почувствует значительно лучше. – Произнёс он учтиво. – Сегодняшний день поглотил ваши все силы.

Женщина подняла на него глаза и с благодарностью улыбнулась.

– Ты всегда знаешь, что мне нужно. – Она подала ему руку, чтобы тот помог ей подняться.

– Даже боги на небесах нуждаются в заботе, – Ласково ответил он и она, опершись о его руку, последовала в другую залу, где её ждал небольшой парящий бассейн, вода в котором была смешана с пряными травами.

Марк был в прошлом купленным рабом на рынке хозяином дома. Старый Тиберий приобрёл его для садовых работ, однако парень был расторопный и скоро стал помогать жене Тиберия в ведении всего дома. Он сопровождал её по всюду и вскоре между ними завязался бурный роман. Женщина тут же поместила его на маленькую виллу на другом конце города, и они стали проводить там время, когда сезон работ был завершён, и наступало зимнее время, правда не для двух страстных любовников, которые дарили свою любовь с невообразимой пылкостью.

Через несколько лет она подарила ему свободу, но Марк пожелал остаться рядом, несмотря на то, что мог бы начать другую жизнь. Он не желал для себя больше ничего другого и уже не представлял, как можно жить другой свободной жизнью. Его скромное существование возле очаровательной

хозяйки была его настоящим собственным и тихим раем. Однако в доме они никогда не позволяли себе ничего такого, пока не наступало их время.

Женщина сбросила свою одежду и опустилась в ароматный бассейн. Марк тут же достал из корзины горсть лепестков и рассеял над бассейном.

– Это для моей богини, – С нежностью прошептал он,

– Спасибо мой друг, ты заслужил мою улыбку. Иди, отдыхай, ты весь день на ногах. Устал, можешь не отвечать, я вижу по твоим глазам. Спокойной ночи моё утешение.

Марк с благодарностью поклонился и бегло приложив волосы женщины к своим губам страстно пролепетал: «Спокойной ночи мой ангел. Холодные ночи пророчат нам скорое счастье»

– Ты прав мой Купидон, уже скоро. – Произнесла она с благоговением и закрыла глаза.

В зале наступила тишина. Ливия не помнила, сколько времени вот так пролежала, нежась в ароматных травах, как неожиданно кто – то провёл рукой по её щеке.

Женщина подскочила с места как ужаленная и с изумлением посмотрела на вернувшегося Софианоса:

– Ты напугал меня, – Бросила она с раздражением.

– Прости, не хотел быть непрошеным, но в эту ночь мне просто необходимо было к тебе вернуться, иначе я сойду

с ума с восходом солнца.

Ливия посмотрела пытливо уже на полностью отчаявшегося друга семьи, который присел на корочках у бассейна, и положив локти на краю она склонила на них голову.

– Что у тебя произошло?

– Я не могу забыть всё, что произошло. Этот юноша был для меня как брат, я доверял ему как самому себе. Он хорошо справлялся с хозяйством в моём доме, а когда пол года назад я понял, что не могу посещать спальню моей жены – я плакал на его плече как ребёнок. За это время я искал смерти по всюду, а в один вечер понял, что фактически умер, когда увидел его в постели моей жены, это уже стало постоянством, каждый вечер в моём бокале было вино, он подливал мне, чтобы я крепко спал.

– Могу только представить, что ты чувствовал.

Софианос закрыл руками лицо и зарыдал: «Я был таким глупцом, а когда он умер – понял, что сожалею, что доверял».

– Почему ты не пришёл ко мне раньше и не поделился со мной своим горем? Разве я когда-нибудь с кем-то делила твои тайны? – Ласково с укором спросила Ливия.

– Нет, никогда, – Бросил он отчаянно.

– Мы знаем друг друга, наверное, всю жизнь, так в чём же дело?

– Я тысячу раз глупец, что не находил утешения на твоём плече. Нет, это судьба глупая. Мои родители не имели до-

статочно денег тогда, чтобы просить о свадьбе с тобой.

– А ты спросил меня, нужны ли были мне твои деньги? Нуждаюсь ли я сейчас в чём-то, и кто приносит солидное состояние в этом доме?

– Боги, я был таким глупцом. Таким, как и сейчас. Просто глупцом. Но мне не нужно было бы в этой жизни переложить на твои плечи всё, просто чувствовать твою поддержку и понимание. Я бы был с тобой другим, даже в этот момент ты бы не отвергла меня и позвала в свою постель, даже если бы я смог только обнять тебя, и уткнувшись в твои волосы просто уснуть – мы бы были бы счастливы! – Он зарыдал опять, только уже более судорожно и громко.

Ливия жестом позвала молчаливую служанку, сидящую всё это время в углу залы, и та тут же подала ей полотенца, помогла выбраться с горячей воды и завернула её в мягкие и душистые покрывала.

– Пойдём, тебе нужно успокоиться, – Фелица, принеси ка нам цветочного чаю в музыкальную залу. – Бросила она служанке и увела под руку Софианоса в другую часть дома.

Они сидели на кушетках, пили горячий чай и гость утирал горькие слёзы. Он говорил много и без умолку, держа руку хозяйки, а когда его печаль покинула его сердце и пришло место облегчению в его душе он неожиданно сказал: «Я бы желал, чтобы мой единственный сын и твоя единственная дочь поженились. Что ты об этом скажешь? Если не мы – то

наши дети» – Он пытливо посмотрел в её глаза.

Брови Ливии взлетели в верх от неожиданного предложения.

– Я не буду против, если они решат соединить свои судьбы вместе, – Сдержанно начала она.

– Что они могут ещё решать, они не знают с кем им будет хорошо или плохо, а мы знаем. Так что, ты согласна? – Он схватил её руки и приложился к щеке.

– Ну конечно согласна, если мы породнимся.

– И станем более ближе друг к другу. О боги, я ждал этого с долей отчаяния, что это может не произойти, а теперь вижу, что это может случиться. – Он вздохнул с облегчением и утёр опять нахлынувшие слёзы. – Всё, больше не буду плакать, только жить и радоваться от счастья. – Он в порыве наступившего благоговения прижал к своей груди оторопевшую Ливию и уткнулся в её волосы. – Спасибо тебе за всё. Если нам не суждено было быть мужем и женой на этом свете, то я готов умереть в любой момент, чтобы воссоединиться с тобой на том.

– Не спеши умирать. Ты нужен тут мне и не только мне, своему сыну.

– Хорошо, я буду продолжать жить ради тех, кого люблю.

– Ну, вот и хорошо. По крайней мере, ты уже умирать отказался. А прежде чем я выпровожу тебя домой – я хочу предложить тебе обратиться к Тине.

Она знает слишком много о травах. Уверена, что-то най-

дёт и для тебя. Ты должен понимать, что твоя проблема никак не относиться к стыду, а к какому-то заболеванию, и к тому же ты знаешь, ни одна душа не проронит лишнего слова.

Софианос изумлённо посмотрел на неё: «Это можно лечить?»

– Ну, я не уверена, но попробовать можно. Ну не страдать же тебе из-за этого в твои молодые годы?

Гость почувствовал, что способен уже свернуть горы. Он поднялся с кушетки, поправил массивный дорогой браслет на руке и с большей уверенностью в голосе произнёс: «Даже если травы не дадут никакого эффекта, я знаю одно. Я никогда не перестану любить тебя. Ты вернула мне не только жизнь. Ты мне вернула значительно больше». – Он вынул из кожаного мешка свиток и подал его Ливие.

– Что это? – Удивилась женщина.

– Право владения землёй, которая находится у твоих виноградников. Там растут оливковые деревья. Распоряжайся, как хочешь. Уверен, что тебе понравится заниматься оливковым маслом.

– Зачем? Мне от тебя ничего не нужно. – Отдала свиток обратно хозяйка дома.

– Это благодарность за то, что избавила меня от мучительной боли и позволила ради меня пролиться крови в твоём доме.

– Это было нелёгкое решение.

– Я знаю, что это не твой стиль, но ты сделала это из-за меня, а я хочу сделать для тебя более приятную вещь. Владей и пожинай плоды. Можешь не провожать меня. Во дворе меня ждут мои рабы и носилки. Я исчезну немедленно. Ты должна идти спать. – Он коснулся губами её лба и сразу же пошёл на выход.

– Да, к стати, – Окликнул он, – Мы нанесём визит с моим сыном вашему дому завтра. Дети должны видится чаще, чтобы привыкнуть друг другу.

Ливия поняла, что спать в эту ночь ей явно не придётся: только Софианос покинул дом и она тут же бросилась к Тине и нашла сестру и дочь, суесящихся вокруг того самого же раба:

– Ага, так-то оно и лучше. – Выпала с порога хозяйка дома. – Она тут же рухнула в свободное кресло напротив родных, и положив ноги на низкий столик раздражённо бросила:

– Ну, рассказывай теперь всё по порядку. Всю правду, а не то я её расскажу за тебя.

Раб приподнял голову, и опять без сил она повалилась на подушку.

– Я только что разговаривала с твоим бывшим хозяином. Так как официально ты мёртв, то мёртвый раб – означает свободный раб. Я склонна верить тому, что ты предал его самым гнусным образом. Ты знал, что он не может исполнять

супружеские обязанности и заполз в постель его жены, при этом каждый вечер, подливая ему по больше алкоголя, чтобы он не подумал проснуться. Молодец, за это тебя бы стоило убить, в прочем, что он и пытался сделать, если бы не благородство нашей семьи. Но ты заслужил на то, что имеешь сейчас. Вполне.

– Я всегда нравился женщинам. Очень нравился. Почему я, собственно говоря, должен был бы пренебрегать ими?

– Но не думай, что ты очаровал в этом доме кого-нибудь из нас. Здесь для тебя места не найдётся. К тому же твой бывший хозяин подарил мне за кровавый поединок довольно внушительный кусок земли с оливковой рощей. Я его не просила, но это означает, что я не могу дать тебе крышу над головой: во-первых он мой лучший друг, и я не хочу в его глазах прослыть предателем, во-вторых, мне не нужен человек, который легко может воткнуть тебе нож в спину. Если у меня имеются и слуги, а многие из них вольноотпущенники, то за этих людей я могу ручаться, а какой мне смысл держать в доме шакала?

– Я не шакал, и я добросовестно служил господину Софианосу. Я не подливал ему вино каждый вечер.

– И ночи с его женой ты тоже не проводил.

– Проводил, она этого желала и я тоже.

– По крайней мере, честно, – Пожала плечами в заключении женщина.

– Но мы не можем же его просто взять и выставить на ули-

цу, – Заступилась за несчастного Тина. – Он очень ещё слаб.

– Я его и не гоню, но когда он будет в состоянии – тогда пусть идёт на все четыре стороны и живёт вольной жизнью.

– Я и жил вольной жизнью. В Риме. У нас с отцом и тремя братьями было своё положение в обществе, и жизнь текла размеренно и спокойно. Я вёл семейное дело, занимался выращиванием овощей и фруктов. Наши земли были необъятны и полны урожая каждый сезон. Однако в один момент, когда не стало отца – к нам пожаловал один весьма влиятельный сенатор и предоставил документ, что наш отец занял у него очень много денег в залог на наше состояние, хотя в этом никогда не было нужды. А дальше было всё как в тумане. Мы оказались нищими и за долги все трое были проданы в рабство.

– Но, если вы были так богаты, почему просто было не отдать ту сумму, которую предположительно занял ваш отец? – Удивилась Ливия.

– Сенатора не интересовал долг. Его интересовало видеть нас униженными и в лохмотьях. Он сделал всё, чтобы разрушить наши жизни. С тех пор я не видел моих братьев. Даже не знаю, что с ними.

– Личные счёты? Не так ли?

– Его жена была неподражаема в постели. – Честно признался раб.

– Вы просто идиот. Полный идиот. Вы разрушили жизнь вашей семьи из за связи с женщиной? Да вам что женщин

во всём мире было мало?

– Значит, они были особенные женщины, если я готов был за них очутиться даже в рабстве. – Томно произнёс он.

– Вот кого надо было бы местами поменять в данной ситуации. Софианоса и вас. Кстати, как ваше имя горе герой-любовник?

– Антоний.

– Тина, полагаю, мы всё-таки можем помочь нашему другу решить его проблемы? А?

Сестра рассмеялась:

– Если ему и надо помочь, то не с тем, чем ты советуешь, а с головой. Вот как раз там совершенно природа поскупилась дать по больше ума.

– Она вообще туда забыла заглянуть, по всей видимости.

– Я всегда считала, что от мужчин всё зло, а сейчас вижу, что зло от женщин, – Заключила важно Юстиниана.

– Нет, моя дорогая, всё зло всего лишь от отсутствия ума, мы все способны, так или иначе жить в мире, если хватает здравого рассудка.

– Я не дурак. Я хорошо образован и вёл даже в доме Софианоса не плохо дела, но меня просто надо держать в дали от женщин, иначе я сорвусь. Тут я за себя не отвечаю. Я знаю несколько иностранных языков, играю на арфе и превосходно владею оружием.

– Ты научишь меня всему, что знаешь, – Бросила дерзко девочка. – Я хочу мыслить как мужчина, драться как мужчи-

на, ездить верхом как мужчина, знать иностранные языки, я не буду учиться готовить еду, как женщина и шить одежду. Я никогда не буду угождать мужчинам, и быть за их спиной. И даже не думай когда-либо соблазнить меня, а не то не забывай, что у меня дар врачевания и я хорошо управляюсь вот с этим. – Она указал кончиком пальца на лежащий ланцет.

– Если твоя мать смилуется надо мной – я твой раб навеки, моя госпожа, – Взмолился Антоний. – Не прогоняйте меня. Я могу быть даже тенью в этом доме и охранять девочку. Клянусь. Но если я только выйду из дому – то меня просто убьют.

– Постой, так это не одно из твоих приключений? – Изумилась Ливия.

– Но я же не могу помнить все мои похождения и с кем я провёл ночи. – Взмолился откровенно Антоний.

– Ясно, с тобой нужно что-то делать. Но что? Куда тебя деть, горе ты непоправимое? – Задумалась Ливия.

– В дом, к дяди, – Тут же предложила Юстиниана.

– А он ему зачем?

– Ну, так у дяди нет женщин, и он лишился своего старого управляющего. А Антоний мог бы просто работать и исчезнуть в его доме.

– Ты забываешь, кто наш дядя. Или ты считаешь, что губернатору города нужен наш горе-любовник с подобной репутацией?

– Может я не права, но дядя всегда сетует, что я мало на-

вещаю его. У меня будет причина навещать его каждый день. В обществе мужчин я не только буду владеть в совершенстве оружием, и ездить верхом. Я научусь думать как настоящий мужчина и почему бы не научиться играть на арфе?

– Нет, ну ты слышала моя дорогая? В нашей семье не будет женщин, на нас закончиться существование, а род продолжит мужчина.

– Может так даже и лучше. – С грустью заключила Тина. – Она познает меньше разочарования в своей жизни, нежели познала я в своё время.

– Не знаю, чем ты заслужил в богов такую милость, но явно ты им симпатичен, – Бросила с насмешкой Тина, – Они дарят тебе хороший шанс продолжить достойную жизнь.

– Нет, определённо они влюблены в меня, – Заносчиво бросила девочка, – Поэтому ему дарован шанс сотворить с меня настоящего потомка Цезарей. И пусть мужчины влюбляются в других девушек, а я не дам им ни одного шанса!

– О боги, и это говорит моя дочь в свои – то годы, – Взмолилась Ливия, и тут же вспомнила о предложении Софианоса. – Кажется, Октавину-Флафию будет не здобровать с такими убеждениями.

Глава четвёртая

Как и обещал глава семьи Колонна, он пожаловал в гости с сыном после обеда с чисто дружеским визитом. Они тут же стали обсуждать политическую обстановку со старым Тиберием и Ливией, а детей отправили пройтись по саду, тянущейся длинной аллеей сразу за домом.

Октавиан-Флавий был 15 лет от роду и считал себя уже довольно умным и сообразительным. Ему не составляло бы труда очаровать любую девчонку в округе, но только не Юстиниану. С ней он не мог бы хвастаться своими победами и познаниями. С ней он мог бы казаться себе глупее и быть поднят на смех и это его чудовищно раздражало. Он не знал, как мог бы заслужить внимание это дрянной, как он говорил себе, девчонке, но Юстиниана была не из тех, кто готов был упасть в обморок перед красивым юношей и слушать его с широко открытыми глазами. Поэтому он как всегда нервничал. Он мысленно уже был готов к атаке и словесной баталии. Он готов был скорее стукнуть этого дьяволёнка, чем по больнее, чтобы не умничала, но что-то внутри мешало явно ему это сделать. И он всегда себя казнил за своё слабодушие.

В этот день всё было как обычно. Родители отправили их

побыть наедине, а это сулило только самим неприятностям для подростка, она опять его высмеет за что-нибудь и он будет готов растерзать её в клочья.

Они шли по галерее, ведущей в сад. Молчание, присутствующее между ними не сулило ничего доброго. Юстиниана нахмурила бровь, насильно отправленная родителями гулять с этим скучным, как она его всегда называла подростком.

Неожиданно пареньё ткнул её локтем в руку и подал маленькую розочку.

– Это тебе, – Буркнул он под нос скорее себе, чем Юстиниане.

– Небось, сорвал в нашем саду, – Язвительно прокомментировала Юстиниана.

– Ничего я не срывал! Мне няня вырвала из сада матери, потому, что я попросил! – Возмутился обиженно пареньё.

– Так я тебе и поверила! Зачем мне твои цветы? Не хочу я их, и не нравятся они мне вовсе! И скучный ты, не интересно мне с тобой. И зачем ты прицепился ко мне? Уходи, я не звала тебя в гости! – Такая тирада уже была не в новинку бедному Октавиану-Флафию. Он уже был с самого утра готов получать упрёки по хлеще тумаков. Однако, есть такая поговорка, если тебя ударили раз – это больно, но если это повторится постоянно, то это ты уже не чувствуешь боли от ударов. Твоя кожа становится грубее. Пареньё знал Юстиниану не первый год, но справедливости ради, разве можно

привыкнуть к плохому? Вот к хорошему – так это за просто и в первый же раз.

Неожиданно он схватил её за плечи и с глазами полными гнева прошипел: «Слушай сюда, гадкая девчонка! Отец сегодня сказал, что наши семьи согласны поженить нас. Ты будешь моей женой. И я не потерплю больше никаких твоих оскорблений. Ты будешь покорной и только слушать, что я тебе скажу: возиться с детьми, готовить еду и сидеть тихо»

От таких слов Юстиниану, словно, кнутом ударили. Она почувствовала, как в ней пробудилась десятикратная сила и она, ударив парня по ноге, отшвырнула его, как паршивого котёнка. Последний покотился кубарем по галереи, а она тут же прыгнула на него и стала колотить его своими маленькими кулачками.

– Ненавижу, гадкий мальчишка! Не буду я твоей женой! Не буду слушаться тебя! Понял? – Она кричала, не помня себя от злости. – Мне не нужен муж, мне не нужен ты, мне не нужен брак!

Октавиан-Флафий кое как выбрался из под неё и схватив Юстиниану за волосы ударил что есть силы по лицу, да так, что она упала и ударилась локтем о что-то твёрдое. Боль была ужасной, который вызвала не так слёзы – как ярость в её маленькой душе и она забыв, что её рука страшно ноет, кинулась на него и ударив ногой в живот сбила его с ног и опять набросилась на него. В конечном итоге они покотились кубарем, кусая и царапая друг друга, и остановились лишь то-

гда, когда оба сильно ударились о стоявшую статую Геры.

Они сидели друг возле друга, поглаживая синяки на руках и ногах, а потом принялись дружно плакать. Они уже не стыдились собственных слёз, а просто так захлёбывались ими. Как оказалось Октафиан-Флавий разбил бровь, и ему было больно ступить на ногу. Плечо Юстинианы тут же приобрело сразу же тёмно-фиолетовый оттенок. На щеке были видны следы от ногтей, и она заливалась горькими слезами, забыв, что она сильная и не такая как все девчонка на свете.

– Больно? – Ласково спросил парень и подал ей руку, чтобы она смогла подняться.

– А тебе? – Спросила она уже без тени ехидства.

– Ну, я же мужчина, – Сказал он детским голосом, где от мужчины и следа не было.

– Я тоже, – Пропищала Юстиниана, не переставая плакать.

– Ты женщина, а я должен быть сильнее тебя.

– Вот научусь ездить верхом и владеть мечом, тогда посмотрим, кто из нас будет сильнее.

– Зачем это тебе? – Уже без тени упрёка и навязывания своего я поинтересовался Октавиан-Флавий.

– А ещё и языки изучать буду, – Добавила гордо она, – Хочешь со мной учиться?

– Я изучаю уже арабский. У меня даже книги есть! – Радостно пролепетал парень. – Хочешь, тебе принесу? Честное

слово. Мне не жалко. И из лука умею стрелять. Я научу тебя. Это не сложно! – На лице подростка появилась улыбка.

Юстиниана заворуженно смотрела на него, а потом согласно закивала головой.

– А на лошади пробовал уже ездить? Я уже ездила, и хорошо держусь в седле. Честное слово.

– Я тоже, – Радостно заявил парень.

– Давай на перегонки, – В глазах Юстинианы загорелся огонь предстоящей победы.

– Давай, – Радостно согласился парень. – А если ты не хочешь учиться готовить, то не надо. Я люблю, когда наша кухарка готовит. И кто сказал, что женщина должна сидеть дома? Глупые предрассудки, – Махнул он рукой.

Они пошли к Тине, зализывать раны. Опираясь друг на друга, так как раны ушибы и синяки оставались болеть, вопреки наладившимся отношениям.

– Я сейчас перевяжу твою руку и позабочусь о твоём лице, – Заботливо начала Юстиниана, с голоса которой тут же исчезла вся желчь и уступила место теплоте и заботе.

– Да не стоит, всего лишь жалкая царапина, – Отмахнулся радостно Октавиан-Флавий, – Ты-то как сама?

– Разве мужчин не украшают шрамы?

– Ну, ты же чуточку другая, чем они, – Стал убеждать её ласково парень, – Но всё равно ты одна из нас.

– Знаешь, а я соврала тебе. Мне нравится та роза, даже

если мужчины и не любят цветов. Кто сказал, что они не могут быть чуточку сентиментальными? – Радостно пролепетала Юстиниана, поднимая брошенный цветок в галерее.

– Тогда я завтра принесу тебе тысячи таких роз, – Захлёбываясь от радости заявил Октавиан-Флафий. – Мужчины никогда не смогут устоять, чтобы не казаться себе немножечко романтичными. По себе знаю!

Они обняли друг друга, чтобы дотащить до места, где им окажут нужную заботу, зато это были действительно уже жалкие царапины против настоящей дружбы, которая зарождалась в их сердцах вот так внезапно после долгого времени ненужной вражды друг с другом. Что ж, такое вполне случается в жизни и довольно часто и их пример был тому доказательством.

Глава пятая

Родители с ужасом смотрели на двух ободранных и побитых подростков, от чего Софианос готов был уже перейти к возмущению, однако ласковая рука Ливии тут же остановила его и увела из территории Тины к себе.

– Не трогай их. Ты же хотел, чтобы наши дети породнили наши семьи. Им понадобилось начать с войны, чтобы понять, что они могут мирно сосуществовать вместе. Это их собственный мир к пониманию.

Софианос приложился губами к руке женщины и с горестью произнёс: «Это то понимание, которого я бы мог найти в тебе, но не нашёл в своей собственной семье. Надеюсь, боги подарят это нашим детям».

– Полагаю, это уже произошло с ними. – Мудро заверила его женщина.

Глава шестая

Прошло 8 лет

Дом губернатора города Клавдия напоминал скромное жилище мужчины давно живущего без женщины, такая себе берлога одинокого медведя, хотя по своему архитектурному замыслу она была просто-таки великолепна, но без лоска. Всё как то было обыденно, уныло и навевало тоску.

Он сидел в одном из внутренних двориков залитых солнцем в удобном кресле и дремал, как можно было подумать на первый взгляд. Этот высокий и худой человек лет шестидесяти с красивыми чертами лица, и седой аккуратной густой шевелюрой был похож на стареющего бога Юпитера, спустившегося с небес.

Его всегда белоснежная туника с позолоченной тесьмой и аккуратность в каждой детали всегда подчёркивала его высокий статус в обществе и заслуживала уважения даже в лице его врагов. А врагов у него было много, и он всегда был беспощаден к ним. Золотое правило «добивай врага своего» было у него в крови. На его красивом и всегда гладко выбритом лице не дрогнула бы ни одно морщинка, если бы речь шла о принятии правильного решения, всегда исходившего от головы, а не от сердца. Но если говорить о сердце, то он просто не знал где оно вообще существует в нём, или же оно

было как отдельный элемент. То есть у них бы никогда не было бы возможности сосуществовать как единое целое.

Он наблюдал за всей территорией из полу закрытых век. Он уже был не молод и к тому же одинок. Тут было уместно дать ему ещё одно сравнение: старьёй, но ещё полон силы лев. Ещё не уставший потрепать попадающихся на его пути шакалов.

Это было его обычное поведение: наблюдать за обстановкой с видом задремавшего старика. И такое поведение вся прислуга знала очень хорошо. Он никогда не был с ними груб и жесток. Напротив, дом был полон покоя и тишины, но в этом доме всегда присутствовал невидимый страх. Тому была своя причина и таки весьма веская: 30 лет назад умерла трагической смертью его жена. Он очень любил её и боготворил, но в день несчастного случая каждый из служивших ему верой и правдой видели на его лице не что иное, как облегчение. Это никак не вязалось с его чувствами к ней. Смерть была ужасной: её нашли в саду у крошечного бассейна с двумя резвящимися купидонами: она лежала в огромной луже крови с перерезанным горлом и венами на обеих руках.

Хозяин дома сохранял молчание и мужественно перенёс эту утрату, на самом деле всё обстояло более чем невероятно: он избавился от неё, потому, что слишком любил, и она стала его ахиллесовой пятой. Он понял, что в жизни подобное может принести ему только падения, а не взлёты, ибо из-за неё он стал терять голову. Это была губительная лю-

бовь, и он без тени сожаления расстался с ней самым чудовищным образом и почувствовал опять в себе прежнюю силу и инстинкт хищника возрос в нём в десятки раз. Власть была единственной женщиной, перед которой он преклонялся.

Старость была неизбежна, а с ней приходило и одиночество, и пустота, но последние новости не представляли возможным задуматься над подобными сентиментальностями. Его информатор из Рима спешил к нему и в последнем письме сообщил, что он привезёт оглушительные новости, но не хочет их даже озвучивать в письме. Подобное поведение не нравилось Клавдию. Это означало, что шакалов слишком много и старому льву придётся бороться с ними не на жизнь, а на смерть. Он сжал руки в кулаки и тяжело вздохнул.

Прибытие его друга было скоро, а значит, ему легче будет смотреть опасности в лицо. Это был его стиль жизни. Он чувствовал азарт в подобных войнах и знал вкус победы. Он всегда смаковал её с неопишуемым наслаждением. Это надо было просто испытать. Не всем дано почувствовать высшее блаженство, многие умирают даже не догадываясь, что это. Они просто существуют, но не живут.

С такими мыслями он смотрел на бой его племянницы Юстинианы и своего управляющего, которого привела ему она ещё маленькой девочкой. Они с азартом орудовали мечами, не уступая в победе друг другу. Девушка яростно от-

бивала атаки и на конец, когда Антоний таки выбил меч у неё из рук, излучая победоносную улыбку – к его горлу тут же был приставлен клинок.

– Это что ещё? – Оторопел он от удивления. – Я тебя этому не учил.

– Как видишь, собственная импровизация боя. Так что ты мёртв. Теоретически.

– Хорошо, что хоть не на самом деле, – Тяжело вздохнул Антоний, вытирая мокрое от пота лицо.

Юстиниана дружественно обняла его и бросила ему небрежно: «Я ведь хорошая ученица. Не правда ли? И гоняем мы с тобой на лошадях, как сумасшедшие!».

– Да, ты и в правду никакого отношения к женщине не имеешь. Сто процентный мужчина.

– То-то же, – Бросила она одобрительно, и устало рухнула в кресло возле дяди.

Клавдий с одобрительной улыбкой посмотрел на воинствующую племянницу и подав ей свою руку, как обычно делал это, проявляя свою любовь, медленно перевёл глаза на того, кого она когда-то привела в его дом.

Женщины, как и Антоний, глубоко ошибались, думая, что смогут скрыть правду от дяди о его происхождении будет возможным. Дядя знал всё, даже о том, как однажды его племянница и Октавиан-Флавий подрались до крови. Однако у губернатора всегда была одна положительная черта:

он умел различать степень грешности в людей, а любовные похождения его управляющего абсолютно не заботили. Это был даже не грех, а нормальное положение для любого мужчины. Антоний был очень аккуратен в делах и вёл всё хозяйство в доме Клавдия.

Имея аристократическое происхождение и безупречный вкус от природы, он даже покупал одежду и подбирал самые роскошные фибулы для своего хозяина.

Клавдий не только наделил своего управляющего приличным жалованием, но и даже возвысил в ранге и привлёк к политической жизни, дабы иметь надёжного союзника. А что касается надёжности – так Антонию не было равных. Он был в сто карт благодарен своему хозяину, что он вернул ему прежнюю жизнь, что последний когда-то потерял самым, что не есть неприличным способом. Теперь жизнь управляющего была прежней, зажиточной и чертовски интересной, благодаря тонкой и коварной политике его хозяина.

Клавдий с удовольствием поощрял желание маленькой Юстинианы уметь хорошо владеть оружием, хорошо держаться в седле, изучать несколько иностранных языков и сносно играть на инструменте. Теперь она была отличным воином, хорошо образована и славилась достойным целителем в городе.

Губернатор тут же предложил использовать пустующую, отдалённую и скрытую часть дома для открытия частных

приёмов и Юстиниана медленно переселилась жить к дяде. Собственно говоря, она жила на два дома, что находились совершенно рядом друг от друга. Так у губернатора была возможность собирать больше частной информации о личной жизни тех, кто хотел поправить здоровье, но врач всегда знает больше и дядя знал всё.

Кто владеет информацией – владеет миром.

Именно это золотое правило хорошо держало его на высоте все эти годы: сотни информаторов собирали для него сведения, как в Риме, так и в этом городе. Он знал практически всё за каждую семью: сколько у кого рабов, кто что предпочитает, у кого какие трудности, доходы и предпочтения во всём. Он никогда не упускал ни одной детали.

– Как твои пациенты? – Между прочим, поинтересовался Клавдий?

– Полагаю, ты осведомлён, что я не оставила никого погостить в твоём доме. Просто не было такой надобности и их болезни вполне совместимы, чтобы продолжать жить. – Пожала безразлично плечами Юстиниана и лукаво подмигнула дяде.

Последний, от души засмеялся и накрыл другой рукой руку племянницы.

– Ты умница и хитра как лиса. Рим готов пасть у твоих ног.

– Вопрос в том нужен ли мне весь Рим, если меня он не интересует, если ты это имеешь в виду.

– Хочешь мира – готовься к войне, моя девочка. Мне будет более спокойно, если ты будешь более хорошо вооружена, не применяя при этом ни меча, ни стрелы. Это более изящная война и более чем беспощадна за те, что ведётся на полях сражения. Я стар и мне нужен свой человек рядом.

– Но у тебя же есть Антоний, – Мягко возразила девушка.

– У меня нет такого дарования, как у тебя моя малышка. – Отозвался из далека управляющий.

– Заметь, он думает также как и я. Когда мне было 19, умер мой отец, оставив нас с матерью и твоим отцом вместе. У нас было приличное состояние, но мы остались без защиты. Отец с братом стал довольно рано привлекать нас к своим делам. Мне пришлось повзрослеть на 10 лет немедленно. Моему брату – никогда, хотя он и старше за меня на 8 лет. Вот так вот.

– Тиберию повезло, что у него есть ты.

– И твоя умная мать, которая держит всё под своим строжайшем контролем. Самое интересное, что ты не веришь, что он твой отец. Я не верю тоже в это. Если твоя мать утверждает, что в твоих жилах течёт кровь великих цезарей – то смотря на тебя – я в это охотно и даже с радостью верю. Ты рождена для большего, но я хочу, чтобы ты пришла к правильному выбору самостоятельно, без какого-либо давления. Не пренебрегай своим предназначением, дарованным тебе свыше.

– У тебя есть хороший дар – дар убеждать в своей правоте

так, будто я сама так думаю, – Лукаво подметила Юстиниана.

Клавдий опять засмеялся и поднявшись с кресла помог подняться своей племяннице: «Две недели назад я получил вести от моего старого друга из Рима. У него, скорее всего, что-то важное, потому, что он не пожелал даже словом упомянуть это в письме. Всё он поведаёт мне в моём доме. Мне сообщили утром, что он совершенно близко к нашему городу, следовательно, он будет тут уже на ужин. Я хотел попросить тебя остаться сегодня вечером с нами, мы поужинаем вместе с тобой. Ты должна с ним познакомиться и потом скажешь о нём своё мнение. Ты хорошо разбираешься в людях, ты чувствуешь это, даже меня не наградили боги таким редкостным даром.

– Рискну предположить, что боги невзначай даровали тебе такое сокровище, как я.

– Что верно, то верно, – Засмеялся губернатор. – Я прикажу накрыть на 4 персоны, включая Антония.

– Ты всё-таки приближаешь меня шаг за шагом к политике.

– Но ты могла бы хотя бы попробовать. Сначала ты осмотришься, я познакомлю тебя со всеми людьми. Ну так как?

– Скажи ка мне на милость? Тебе кто-нибудь говорил слово «нет» в твоей жизни? – Вздохнула тяжело Юстиниана.

– Никогда, моя радость. – Засмеялся губернатор и обнял племянницу.

Глава седьмая

Ужин был накрыт в зале для особых приёмов: стол прямо таки ломился от яств, хотя приглашённых было всего трое: Юстиниана попросила прийти на несколько минут позже. Когда она вошла в своём пурпурном одеянии – гость тут же поднялся и с круглыми от удивления глазами засвидетельствовал своё почтение. Она приветливо улыбнулась, поправив упавшие каштановые длинные волосы на плечо и села рядом с дядей. Гостью был немного моложе Клавдия, а его имя Луций – было самым, что не есть обычным, вид простака на первый взгляд не представлял ничего особенного. Он был слишком голоден, поэтому уплетал всё, что подавали слуги до пустой тарелки.

– Итак, друг мой, что же всё таки потрясло Рим? – С явным нетерпением в голосе поинтересовался губернатор. – Ты можешь говорить откровенно: эти люди – моя единственная племянница и мой управляющий, и секретарь в одном лице – самые близкие люди в моей жизни. Их бояться нечего.

Гость кивнул одобрительно головой и практически прошептал:

– Как ты знаешь, несколько недель назад на императора Августа было совершено опять покушение его же собственным сыном Тиром. Зная этого юношу, я ни минуты не верю в его безумство. Он очень был предан отцу, и его собствен-

ный мир совершенно отличался от мира реального. Скажу вкратце, что он исчез, хотя сотни глаз видели, как он выпил отравленное вино перед своим отцом и покинул дворец. На его вилле нашли только раба, умершего от многочисленных ножевых ран в постели хозяина.

– Печальная история, я слышал об этом, две недели назад. – В голосе губернатора стали проскальзывать нотки явного недовольства. – Стоит ли говорить о мёртвых, которые уже не в силах причинять нам вред.

– Ты зря иронизируешь, Тир исчез бесследно, никто не знает где он. Существуют предположения, что он может остановиться в этом городе, так как сдружился с послом Сирии, который родился здесь и получил от императора позволение провести дома несколько недель, по пути в Сирию.

Юстиниана, Клавдий и Антоний переглянулись: речь шла о Октавиане-Флавие. Они не виделись уже больше двух лет. Теперь он возвращается.

– И ты предполагаешь, что после выпитых двух чашей яда человек может бежать из Рима? – Губернатор пытливо посмотрел на Луция. – Разве, что только на тот свет. Больше некуда, – Клавдий заметно терял терпение.

Тот отвёл глаза в сторону.

Клавдий поднял бокал, чтобы ему налили очередную порцию вина и спокойно испив, поставил на стол. – И это ты боялся озвучить мне в письме, друг мой?

– Не совсем. Думаю, ты знаешь, что сын императора

Марк-Аврелий был предательски убит прямо во дворце. Его нашли мёртвым утром с кинжалом в спине. Тем же способом было покончено с родным дядей императора, Децемумом, через месяц.

– И ты хочешь сказать, что в этом стали обвинять покойного сына Тира? На каких основаниях? Это было бы очень удобно, для кого-то, только боюсь на этом количество смертей не уменьшится даже со смертью этого несчастного юноши.

– Поползли слухи, что Тир ещё жив и куда он мог бы направиться, поэтому я тут же поспешил предупредить тебя. Ты же не пойдёшь против императора?

– У императора есть веские доказательства против Тира в содеянных всех предыдущих убийствах их родственников? Я ни разу не слышал о том, чтобы на него устраивали гонения после его предполагаемой смерти. И потом у меня несколько иного характера информация, – Клавдий вытер рот салфеткой и спокойно отложил её в сторону. – У нашего императора какой-то недуг. Он серьёзно обеспокоен своим состоянием и стал больше задумываться о поиске целителей по всей империи, если он излечится сам – он постарается восстановить справедливость. Он по ходу становится заложником своего тела. Вот это меня беспокоит больше, чем твои ни чем не обоснованные домыслы. – Ткнул пальцем он в сторону гостя. – Я даже не удивлюсь, если бы он посетил лично наш город исключительно с этой миссией. –

Хозяин дома кивнул в сторону Юстинианы.

– Почему ты не веришь в то, что я тебе сказал? – Возмутился Луций, поправляя синюю мантию на своём плече.

– Потому, что я слишком хорошо знаю этот мир и потому, что достаточно стар, чтобы чего-то опасаться в нём. Если ты приехал сказать мне только это, то вынужден разочаровать тебя: ты просто потерял время.

Юстиниана поглядывала на гостя, который то и дело ежился и отвечал невнятно. Его худое измождённое тело и тёмные круги под глазами явно свидетельствовали не в пользу его здоровья. Он пригубил вино и с болью скривился, испытав жгучую боль внутри.

– А ты считаешь, что я должен был проигнорировать этот факт и не сообщить тебе? У меня мало времени, слишком мало. Жрецы говорят о моей скорой кончине, перед этим я решил посетить тебя, а потом вернуться в Рим и умереть.

Клавдий от удивления приподнял одну бровь: «С каких пор ты стал доверять этим шарлатанам?»

Луций недовольно скривился: «Я это и сам чувствую без пророческих видений жрецов»

Последующие беседы были уже общего характера. Клавдий интересовался другими приближёнными императора, их семьями и даже общей картиной, бытующей в городе. Больше его не интересовало ничего. Он быстро распорядился, чтобы гостю приготовили комнату, и вышел во дворик по-

дышать свежим воздухом: новости Луция разочаровали его и он, собственно говоря, всё это время скучал: 10 других информаторов доставили ему эти новости полторы недели назад.

На дворе стояла ночь, и только лунный свет хорошо освещал это место:

– Он много не договаривает, – Раздался за спиной голос Юстинианы, – И он прав, на счёт своего здоровья. Он действительно серьёзно болен, по-видимому, у него больны почки. Поговори с ним наедине. Он напуган, как заяц. Он никому не доверяет, и кажется, у него действительно есть, то, о чём другие могут и не знать. Мне почему-то так показалось. Он считает, что он на грани, поэтому ему можно доверять.

Клавдий повернулся к племяннице, и предложив ей свою руку повёл её по галерее: неожиданно он коснулся на барельефе головы косули и сдвинул легко её с места: стена тут же расступилась, открыв взору ещё один дворик, о котором девушка никогда не знала: «Оставайтесь с Антонием там. Тут очень хорошо слышно то, о чём мы будем говорить с Луцием здесь. Я скоро вас выпущу, а потом мы обсудим всё за чашкой горячего вина. И ещё, я хотел сказать тебе, что ты просто прирождённый политик, великий Цезарь гордился бы тобой.

– Мне будет достаточно того, что гордиться будешь мной ты, – Махнула она рукой и скрылась за потайной дверью.

Луций сам нашёл хозяина дома, и с опаской оглянувшись, уже более твёрдо и без излишней уклончивости, бросил стоящему во дворике Клавдию, стоящему к нему спиной: «Надеюсь, тебе никто не сообщил новость, что сюда едет император».

Губернатор повернулся к нему и холодно проронил: «Он чувствует смерть, но боится привлечь внимание стервятников, чтобы они не стали клевать его ещё живое тело. Я бы поступил в точности так же.»

– Он будет скрываться под видом нищего и остановится в твоём доме. Новость о возможностях твоих родственников достигла ушей самого Рима. Посол Сирии сам предложил Августу посетить город, и что его невеста способна творить чудеса. Состояние императора довольно плачевное, но только узкий круг осведомлён на сколько. Он готов довериться твоим родственникам, но никто не имеет права знать правду, кто гостит в твоём доме. Это был личный приказ императора мне.

– Стало быть,

– Он не знает никакой правды, но именно мне поручил это передать тебе вот его письмо. – Он подал свиток и неожиданно пошатнулся и упал по середине дворика без чувств.

Юстиниана склонилась над бездыханным телом несчастного и сдавленным голосом, полным удивления проронила: «Но он мёртв».

Клавдий и Антоний стояли в ужасе. Им понадобилось время, чтобы прийти в себя.

Глава восьмая

Девушка покинула свои покои через час: в диванной комнате её уже с нетерпением ждали её мужчины.

– Ну что там? Что ты увидела?

Она устало рухнула напротив и уронила голову на руки: «Это более чем неправдоподобно. Его отравили. Травили медленно, не сразу, даже не подозревая, что человек и без того был уже на грани. У него останавливались почки и какой-то месяц, и он умер бы естественной смертью, но кто-то стал ускорять этот процесс приблизительно за неделю. То есть его готовили заранее к этой миссии, чтобы он передал тебе послание и сразу же умер. Как он дотянул с такими дозами до города – я просто поражена. Я знакома с этим ядом, но у нас этот порошок скорее редкость, чем обыденность. В последний раз его мне показывала Тина, когда я была подростком. Погодите, кажется, я о нём даже читала где-то, но где? Теперь ваши версии, я как целитель уже вынесла свой вердикт. – Она пытливо посмотрела на мужчин.

– Император таки боялся огласки? – Потёр устало виски губернатор.

– Что-то тут не так. Император лично распорядился доставить письмо тебе. Где была гарантия, что он успеет? Что-то не вяжется, – Пожал плечами Антоний.

– Тут я готов согласиться с тобой немедленно. Император

тут не участвовал.

– Тогда его сын или его команда?

– А им какой смысл? – Удивилась девушка.

– Пока ничего не знаю, – Растерянно покачал головой Клавдий. – Чуть какая-то. Ладно, я прикажу сейчас же слугам забрать тело и похоронить, – Он бросил на низкий столик свиток от императора, и девушка тут же взяла его в руки, чтобы почувствовать запах.

– У этого яда какой-то особенный запах, он истощает человека, и он начинает есть больше и больше, а сил не прибавляется, а тем временем организм не способен бороться с быстро наступающим истощением. У меня будет время осмотреть как нашего императора, так и тех, кто прибудет с Октавианом-Флавием.

Юстиниана находилась во дворике, где они с Антонием проводили соревнования. Девушка стреляла из лука точно в мишень стрелу за стрелой и чувствовала, что она не может совладать с собой. Её охватила депрессия.

– Ты очень предсказуемая, моя девочка, – Послышался ласковый голос Клавдия. – Если тобой овладевает отчаяние – ты можешь часами стоять и пускать стрелы.

– Слава богам, стрел у нас хватает, – Буркнула Юстиниана. – Он умер внезапно, и я не могла ни чем ему помочь. Ненавижу это состояние, когда умирают люди, а я бессильна.

– Ну чем ты могла бы помочь, скажи мне на милость. Чем?

Если судьба его была предрешена.

– Если в этом все тонкости политики, то я только и буду, что коллекционировать трупы, успевая гадать, где и когда, и при каких обстоятельствах ему приготовили вход на небеса. Это не дар, а наказание с полу взгляда понимать, что в душе того или иного. А души, собственно говоря, у всех одинаковы.

Дядя подошёл к племяннице и взял нежно её за плечи.

– Просто не надо задумываться о том, что невозможно изменить в жизни.

– Жизнь всего лишь миг и прожить её надо ярко, – Голос Октавиана-Флавия неожиданно застал их врасплох, и юноша ловко выстрелил из своего лука в мишень, присоединив свою стрелу к стрелам Юстинианы.

– Ты? – Девушка замерла на месте от восторга, а потом бросилась на шею к возлюбленному.

– Как видишь, я, готов пасть к твоим ногам и возложить к твоим ногам все мои победы! – Воскликнул он радостно, и подхватив на руки Юстиниану стал кружить её с небывалой силой.

Девушка припала к груди возмужавшего юноши. Он действительно изменился, в римском одеянии с пурпурным плащом поверху он был уже немножко другим.

– Sen sahra cöllerinde bir gül olsan, seni kurutmamak için gözyaşlarimla sulardım seni (Если бы ты была розой в пустыне, я бы поливал тебя слезами, чтобы ты не засохла. – Страстно

пролепетал юноша.

– Eger bu dünyada seni kimse sevmiyorsa bilki ben ölmüşüm (Если в этом мире тебя никто не любит, знай, что я умерла, – Ответила она ему с пылкостью, нежно обнимая.

– Seni sevdiğim kadar yasasaydım, ölümsüzlüğün adını ask koyardım (Если бы я жил столько, сколько люблю тебя, я бы бессмертием назвала любовью)

– Vur kalbime hanceri, yüregim parcalansın. fazla derine inme, çünkü orda sen varsin (Вонзи в мое сердце кинжал, пусть мое сердце разорвется, но глубоко не надо, потому что в моем сердце есть ты)

– Seni seviyorum diyen dillere değil, senin için ağlayan gözlere inan (Поверь не языку, который говорит «я тебя люблю», а глазам, которые плачут о тебе)

– Kalbimde 3 cicek yetistirdim. sevmek, sevilme ve beklemek. sen bunlardan ikisini kopardin, bana sadece biri kaldı; beklemek (В моем сердце я вырастил 3 цветка – любить, быть любимым и ждать. Ты сорвала 2 из них, мне остался один – ждать)

– Birgün bana gülen gözlerle soracaksın, ben mi, dünya mı diye, ben dünya diyeceğim ve sen çekip gideceksin ama bilmeyeceksin ki tüm dünyanın sen olduğunu. (Однажды ты помотришь на меня и спросишь, смеясь, «я или мир», я скажу мир, и ты уйдешь, но не узнаешь, что весь мой мир – это ты)

Это было своеобразное приветствие, вместо слов любви, ибо каждый был без памяти влюблён в поэмы мавров.

Дядя стоял огорошенный этим потоком стихотворений, а потом медленно повернулся и удалился из дворика.

Глава девятая

В эту ночь они остались в доме губернатора: оба сидели на шкуре тигра, заброшенного подушками у огня, пили вино и не могли наговориться.

Она слушала о его жизни в Сирии, подобно прекрасную сказку, наслаждаясь каждой историей, позабыв о горестном вчерашнем дне.

Ей вспомнилось её детство и их драки до крови. Теперь это выглядело комично – тогда – всё серьёзно и главное клятва – никогда не стать его женой. Они были так, в сущности, одинаковы с ним: любовь к оружию и к искусству, к наукам, только что не дышали в унисон.

Ей так хотелось поделиться с ним о последних новостях, рассказать обо всём, что тут произошло, но тут её что-то остановило: кто он стал, в сущности, за это всё время? А ведь он был один из тех, кто пришёл в этот город и никто не знает истинной причины их появления. Нет, она не станет ему доверять. По крайней мере пока.

Влияние дяди начинало действовать как магнит. Она инстинктивно становилась более и более осторожной. Девушка решила больше слушать его, чтобы понять скрытый мотив их миссии с друзьями.

Ей было необходима внутренняя сила, которую бы дала любовь, чтобы она смогла понять, что она с ним сможет пре-

одолеть всё. Даже если её жизнь будет идти самой терновой тропой, что он будет её обезболивающим, её опиумом, но разве будет она счастлива, испытав горькие разочарования? Никогда. В ней опять просыпалась та самая взбалмошная 12 летняя девчонка, которая заявляла, что мужчинам не стоит доверять.

– Я должен тебе кое-что рассказать, – Начал неожиданно он. – Я всё смотрел на жизнь в Сирии сквозь розовый туман. Всё сказочно, волшебное, и сладко. Мы всегда зачитывались с тобой любовными поэмами, но их жизнь совершенно противоположна реальности. Я никогда не забуду один случай. Там в Сирии я был приглашён на приём к брату султана. Неожиданно ко мне в ноги упала белая женщина, она стала молить меня о защите, но тут его схватили двое солдат и поволокли из сада. У меня была долгая аудиенция, и когда я вышел опять в сад, то чувствовал, что просто валюсь с ног, когда неожиданно я увидел то, от чего ужас сковал меня полностью. Я не мог ступить и шага: у фонтана валялось ещё живое, но уже без кожи тело той самой женщины. Они содрали с живого человека! Ты понимаешь?

Юстиниана онемела от ужаса.

– Я даже не заметил, как за спиной появился брат султана и стал проливать горестные слёзы: «Я любил её, а она была холодна ко мне. Она разбила в дребезги мои чувства, пытаясь покончить собой. Она пренебрегала моей любовью. Я сделал её смерть лёгкой и безболезненной: перед казнью она

приняла слишком много опиума, чтобы чувствовать что-либо» – Он подошёл к валяющемуся телу и перерезал ей горло, обливаясь горькими слезами. Меня рвало всю дорогу. Я уже не мог любить эту страну на столько, на сколько, любил её до этого момента. Я понял, что испытываю жуткое отвращение уже ко всему, что связано с ними, даже с поэзией. Она больше меня не вдохновляет, она меня раздражает и заставляет испытывать дрожь, как в лихорадке, не более того! Но мне придётся туда вернуться и от этого в моих жилах вскипает кровь от презрения!

Девушка подошла к нему и нежно обняла его, уткнувшись лицом в его плечо.

– Если мне придётся опять падать в грязь или мои руки будут испачканы в крови я должен знать, что ты будешь всегда чистой водой, которая омоет моё тело, и я очищусь от всей нечисти, которая по всюду, в каждом уголке и этот настоящий мир творит из нас чудовищ. Я уже чудовище, но мне нужна, ты чтобы понимать, что ещё что-то остаётся в нашей жизни святым.

– Пойдём, ложись и постарайся уснуть. – Она поправила подушки и заставила его удобно лечь и закрыть глаза, – Ни о чём не думай. Просто усни. Здоровый сон принесёт облегчение твоей души и телу. – *Gonlumde tek sen varsin askima bir baharsin, kalbimdeki aynaya bir de baktim sen varsin*

(В моей душе только ты, ты весна моей любви, я посмотрела в зеркало своего сердца и увидела тебя), – Шепнула она

ему ласково и нежно поцеловала в щёку.

Он уснул молниеносно, как маленький мальчик, которому нужно тепло и забота матери.

Юстиниана сидела рядом и смотрела в огонь. Он не знал, что она часть этого грязного мира, по крайней мере, она уже приближена к этому, она уже разделяет тайну прибытия императора. Это означает, что всё может быть и руки его уже запачканы даже, что касалось, смерти несчастного Луция.

Глава десятая

Юстиниана тихонько покинула залу, где остался спать Октавиан-Флавий, и войдя в гостиную увидела, что у камина находился дядя. Он сидел к ней спиной лицом к огню. Девушка подошла к нему по ближе, и остановилась на расстоянии несколько шагов.

– Я был уверен, что ты покинешь его в эту ночь. Я слишком хорошо тебя знаю. Ты не из тех женщин, что бросаются в омут с головой напрочь забыв о здравом рассудке. Вижу, что он сильнее у тебя всего на свете.

– *Uzakliklar küçük sevgileri yok eder büyükleri ise yüceltir* tipki rüzgarın mumu söndürüp atesi yükselttiği gibi... *Askimiz kara bulutlarla kaplıysa eger..yagmurun yagmasini bekle çünkü her yagmurdan sonra gökkusagi çıkar.* (Расстояния губят маленькую любовь, а большую делают сильнее, как ветер тушит свечку, но раздувает костер. Если нашу любовь накрыли тучи, подожди, пока пойдет дождь.. Потому что после дождя появляется радуга). Эти слова уже не имеют никакого смысла.

– Больно видеть тебя разочарованной, – Дядя поправил горящие поленья в камине и тяжело вздохнул.

– *Bir bakışın manası, hiç bir lisanda yoktur, Bir bakış bazen şifa, bazen zehirli bir oktur, Bir bakış bir aşığa neler neler anlatır, Bir bakış bir aşığın senelerce ağlatır...*

(Нельзя описать смысл взгляда, взгляд бывает и лекарством, и отравленной стрелой, взгляд может столько рассказать влюбленному, но может и заставить плакать годами...) – Цитировала она дальше. – Что-то изменилось в его глазах. Они полны ужаса и дикости, подобно видят всюду опасность и он готов броситься в любую минуту, только бы спасти жизнь любой ценой. Он уже не тот Октавиан-Флавий. Я не вижу жизни в его глазах. Он готов пожертвовать всем, лишь бы завтра встретить ещё один рассвет. Это не тот юноша, которого я помню, с которым мы сидели у костра вечерами, поделив одну лепёшку на двоих, когда лошади уставали от сумасшедших скачек, на перегонки, а потом спали, обняв друг друга, укрывшись шкурами, боясь замёрзнуть до утра. Мы выпускали кучу стрел, а потом до драки спорили, чьих стрел больше попало в цель. Это не тот парень, с кем мы дрались мечами в садах, оставляя после себя лишь жалкие ключья от ухоженных цветов, а потом прятались от сумасшедших от злости садовника и наших матерей, часами просиживая у тебя в доме. Ну, конечно же ты это помнишь. Мы зачитывались стихами мавров о любви, а потом сумасшедшие от эмоций и чувств целовались до потери сознания. Это всё уже в прошлом. Ни один стих не способен больше сотворить чудеса.

– Ты хочешь сказать, что всё остыло?

– Мы просто перестали быть детьми. Взрослая жизнь внесла свои коррективы. Он запуган.

Клавдий бросил сухую щепку в огонь и блаженно произнёс: «Всегда очарован, когда смотрю на пылающий огонь: он способен заморозить, согреть или сжечь дотла. Всё зависит, как мы это можем принять».

Юстиниана заломила руки и медленно стала прохаживаться по залу. Это было личное пространство покойной жены Клавдия Селезии.

– Она скупала всегда только лучшие работы мастеров. В нашем доме стали быстро появляться от малой до великой фигурки из слоновой кости, белого и чёрного мрамора. Селезия распорядилась всё это расставить в трёх залах и выделить отдельно каждое произведение, дабы не затмевать друг друга своей красотой и неповторимостью. Это вечное столкновение между великими и малыми, бедными и богатыми, и даже супругами. Когда они начинают затмевать друг друга, порождая злобу, зависть и желание быть первыми. Это случилось и с твоим возлюбленным: либо он попытался кого-то затмить, либо стал частью опасной интриги и теперь вместо того, чтобы владеть ситуацией – он не пытается согреться у огня, а боится сгореть в нём.

Селезия умерла так и не осознав, что своей красотой и величием, умом и умением подать себя она выставила себя вперёд, забыв о том, что я остался далеко позади. В нашем доме бывали известные поэты и музыканты, праздники были пышными и красочными, и всюду она блистала, была первой, а я уходил всё дальше и дальше в тень. Только её имя

было на устах, а моё предавалось забвению. Я уже не грелся в лучах её любви, а понимал, что способен сгореть в этом огне живьём и я понял, что это уже не любовь.

Юстиниана повернула к нему голову и застыла в немом вопросе. Клавдий так и подбрасывал ветки в огонь, продолжая смотреть в одну точку.

Неожиданно из открывшихся ниш под самым потолком с четырёх углов посыпался песок, прямо в открытую нишу на полу, и тут же всё закрылось немедленно.

– Что это было? – Испугалась Юстиниана.

– У нас гости, – Засуетился хозяин дома. – Кто-то только что вошёл в дом.

– В такой час?

– Это может значит только одно: в такую пору может пожаловать только император.

Они оставались в зале Селезии. Наступало гнетущее молчание – никто не входил.

– Я предупредил слуг, чтобы впускали каждого, кто будет стучаться в мой дом ночью, но что же он медлит?

Гость действительно медлил с появлением. Он уже заставлял нервничать обоих, находившихся в зале, однако когда он появился – оба застыли на месте: перед ними стоял худой, измождённый человек в простой накидке. Его потухшие глаза и болезненные черты лица уже не выражали властного и волевого владыку великой империей. Он угасал, как свеча от императора Августа не осталось ничего, кроме оболочки,

болезненного тела и состояния полного бессилия.

Позади него стоял незнакомец, в длинном дорожном плаще, с большим капюшоном, закрывавшим его лицо полностью.

Он сделал шаг на встречу хозяину дома, однако неожиданно его ноги подкосились, и он повалился без чувств на пол, сразу у ног хозяина дома.

Юстиниана бросилась к бесчувственному императору и крикнула на весь дом: «Срочно несите его во внутренний дворик! Несите одеяла, тазы, всё! Его отравили! Снимите с него, всю одежду и бросьте здесь!»

Слуги засуетились как мыши, волоча бесчувственное, измождённое тело мужчины во дворик, который показал прошлой ночью Клавдий. То, что приказала делать с ним Юстиниана – было чудовищно. Несчастливого волочили на спине, заставляли пить так много воды, как только было возможно влить в него, а потом его рвало, так что не хватало уже сил это пережить, а он должен был, чтобы остаться в живых.

– Я сделала всё, что могла, – Юстиниана вышла из дворика и устало прислонилась у колонны. – Теперь остаётся только ждать.

Он уснул. Ночь близилась к концу. Возле императора оставались только несколько слуг из окружения Клавдия.

Хозяин дома подошёл к племяннице и по-отечески обнял её за плечи. Каждый из присутствующих уже понимал, что

опасность уже миновала, если он ещё жив.

Никто из них не видел, что вдали стоял проснувшийся Октавиан-Флавий и наблюдал за происходившим очень внимательно.

Неожиданно он отшвырнул с ненавистью что-то, что держал в своих руках и заплакал как ребёнок, громко и надрывисто к большому удивлению Антония, задержавшемуся на небольшом расстоянии от посла. Он нашёл валяющееся в пыли сорванный с груди кулон Юстинианы.

Nicin acitir sevdan inletir gece gündüz yarım.. Kime desem kime sorsam sevdami belalim.. Gözlerinki beni benlikten cikaran sevdigim.. Dolanirim cennet mi cehennem mi diyarim.. (Почему твоя любовь приносит боль, заставляет стонать днем и ночью, любимая? Кому я скажу о своей любви, любимая? Твои глаза сводят меня с ума. Я не знаю, где мое место – в Аду или в Раю.) – Шептал он сквозь горькие слёзы.

Глава одиннадцатая

Во внутреннем дворике царил полумрак. В удобных креслах на против горящего огня сидели Октавиан-Флафий, и сын императора Тир. Это был дом посла Сирии, в котором оставался жить только его отец.

Мать оставила дом несколько лет назад, пока сына не было дома. Она развелась с мужем и вышла замуж за одного из состоятельных сенаторов Рима. Провинция больше не была её горизонтом, как и отдельная спальня с её мужем, который устал наказывать всех, кто покидал её постель утром.

Отец ушёл отдыхать, а молодые люди оставались на месте, соблюдая молчание.

Горящие факелы, размещённые по разным сторонам галереи отображали на лицах двоих юношей только горестные раздумья, которые могли много сказать, не говоря при этом ни слова.

Восток научил Октавина-Флавия держать свои чувства при себе, и никогда ни кому не выворачивать душу наизнанку: если он плакал, то глаза оставались всегда сухими, если он радовался, то ни одна мускула бы не дрогнула на его лице, изображая улыбку.

Все его чувства и переживания роились в его голове, как в улье. Он ненавидел вчерашнюю ночь: прибытие Августа,

существование Тиры и Юстиниану, которая спасла жизнь императору. Они ничего не делали, но разрушали его жизнь шаг за шагом.

– Я иду отдыхать, просто валяюсь с ног. Кажется, за ужином я перебрал с вином. Теперь оно ударило мне в голову. А я думал, алкоголь не может меня брать. Мои нервы натянуты как струна, я не могу ни спать, ни есть, ни жить спокойно. – Тяжело застонал Тир. – Если смерть может быть облегчением, то я готов уснуть навсегда.

– Мы навестим дом Юстинианы завтра, и я попрошу Тину приготовить для тебя ароматного зелья. Это сохранит твои нервы. – Угрюмо произнёс посланец. – Умереть всегда легче, чем жить. Спокойной ночи брат мой. – Это прозвучало в голосе скорее как нежелание слышать эти жалкие причитания, и поскорее избавиться от его присутствия.

Тир поднялся на ноги и покинул дворик.

Октавиан-Флавий оставался сидеть в том же положении, теребя фамильный кинжал в руках и со злостью воткнув его в вазу с фруктами, поднялся с места и стал прохаживаться по галерее.

Его голова раскалывалась, и он не переставал тереть виски руками и хвататься за переносицу, чувствуя полное бессилие. – Что делать? – Назойливо жужжало в его голове. Он яростно ненавидел то время, когда стал частью этого заговора. Однако у него не было выбора оставить на дороге Тиру в беде, как когда-то он также нашёл его на дороге, когда он

был в беде, и позволить его разорвать на куски его же собственным отцом как заговорщика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.